УДК 101.1

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ОТРИЦАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ФИЛОСОФИИ

О.А.Белёвский
старший преподаватель кафедры философии
Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт»

У статті розглядається постмодернізм як певний етап історичного розвитку посткласичної філософії. Обґрунтовується теза про те, що відмова постмодернізму від властивої класичній філософії універсальності й всезагальності, позбавляє сучасну філософію історичної значимості й веде її до руйнування.

Ключові слова: постмодернізм, відчуження, історія, всезагальне, універсальність.

В 1929 году, на пороге "Великой депрессии" Э.Гуссерль в своих "Картезианских размышлениях", говоря о состоянии, в котором пребывает современная ему философская мысль, писал, что «раздробленность современной философии и ее бесплодные усилия заставляют нас задуматься. С середины прошлого столетия упадок западной философии, если рассматривать ее с точки зрения научного единства, по сравнению с предшествующими временами неоспорим. В постановке цели, в проблематике и методе это единство утрачено». Чем располагаем мы вместо единой и живой философии? – спрашивал Э.Гуссерль и приходил к весьма неутешительному выводу: «Вместо единой живой философии мы имеем выходящий из берегов, но почти бессвязный поток философской литературы; вместо серьезной полемики противоборствующих теорий, которые и в споре обнаруживают свое внутреннее единство, свое согласие в основных убеждениях и непоколебимую веру в истинную философию, мы имеем лишь видимость научных выступлений и видимость критики, одну лишь видимость серьезного философского общения друг с другом и друг для друга» [*1*]. Такой была точка зрения "последнего классика" немецкой философии.

Сегодня автор "Картезианских размышлений", который пытался рассматривать состояние современной ему философской мысли с точки зрения принципа научного единства и который лелеял надежду на построение "философии как строгой науки", с позиций современного постмодернистского мышления мог бы показаться «ретроградом» и мог бы легко заслужить упрек в необоснованной симпатии к универсализму и научности. Есть злая ирония истории (философии) в том обстоятельстве, что феноменология – эта "наука об истинных началах" – была ассимилирована откровенно антинаучно-настроенным экзистенциализмом в качестве методологической базы. История философии также как и настоящая – всемирная – история не прощает непоследовательности. И если современный иррационализм в состоянии поставить себе на службу философию разума великого Гегеля, то нет ничего удивительного и в том, что гуссерлевская попытка обосновать рационализм, опираясь на Декарта и Канта, также в свою очередь оказалась обреченной на неудачу.

Нынешнее положение вещей, когда философия существует в форме «почти бессвязного потока философской литературы» и когда отсутствует «точка зрения научного единства», делает задачу рассмотрения положения в современной философии достаточно трудной. Особенности исторического бытия современной философии с особой остротой высвечивает необходимость вычленения той абстракции, которая стала бы исходным пунктом анализа сложившейся философской ситуации и позволила бы объединить весьма разнородные элементы в составе научно-теоретического понимания (понятия).

Как известно, специфическая ситуация, в которой находится современная философия, получила название постмодерна. Осмыслению феномена постмодернизма посвящено значительное количество современных работ в различных областях гуманитарного знания. Французский философ Ж.-Ф. Лиотар, признанный теоретик постмодернизма, определял его как "неуправляемое возрастание сложности". Французский социолог Ж. Липовецкий рассматривал постмодернизм как "эру пустоты" и "империю эфемерного". Известный писатель У. Эко утверждал, что постмодернизм пред-

ставляет собой трансисторическое явление, которое проходит через все или, по крайней мере, многие исторические эпохи, и его не следует выделять в какую-то отдельную и особую эпоху. Американский теоретик Ф. Джеймисон рассматривал постмодернизм как культурную логику позднего капитализма. Польский социолог З. Бауман наиболее существенное в постмодернизме связывал с кризисом социального статуса интеллигенции.

На сегодняшний день постмодернизм уже имеет свою историю и вошел в учебные пособия. «Постмодернизм распространяется по всему миру и становится интеллектуальной модой, неким особым знаком времени, своеобразным пропуском в круг избранных и посвященных. Если раньше надо было непременно быть модернистом и авангардистом, то теперь стало трудно не быть постмодернистом» [*3; 5*]. Интеллектуальная мода на постмодернизм, а также повышенное внимание исследователей к исследованию этого феномена косвенно свидетельствуют о той важной роли, которую играет это явление в судьбах современной философии.

Рассматривая в работе «Состояние постмодерна» особенности знания в современных, наиболее развитых обществах, Лиотар, определял "постмодерн" как «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века» [*3*, 10]. И если постмодернизм принято рассматривать как общее состояние всей современной культуры, то для нас особый интерес представляет вопрос о том, что собой представляет постмодернизм в области философии, в каком направлении здесь идет "изменение правил игры", как эти изменения соотносятся с фундаментальными свойствами философии, в частности с ее исторической значимостью?

Нетрудно заметить, что если классическое философское мышление стремится к форме научности (достаточно вспомнить гегелевскую мысль о необходимости превращения философии из любви к мудрости в действительную науку), то посткласическое философское мышление вообще (и постмодернистское мышление в частности) выражает собой движение в обратном направлении. Постмодернизм как господствующее интеллектуальное направление в современной позднекапиталистической культуре, в области философии проявляет себя как очевидный, хотя и не бесспорный, отказ философии от объективно-научной формы. Эта тенденция характерна для всей посткласической (т.е. послегегелевской) философии XIX-первой половины XX в. Постмодернизм как определенная историческая стадия развития (гниения, разложения) посткласического философского мышления доводит эту тенденцию до конца. Точка зрения научного единства оказывается роковой слабостью в глазах современной постмодернистской философии. В современном позднекапиталистическом обществе философия уже не может и, что характерно для постмодернизма, даже хочет быть научной. Невозможность существования философии в статусе научной, универсальной теории постмодернистским мышлением рассматривается как норма и достоинство современного мышления.

Разорванность современного постмодернистского мышления как факт, который не требует особых доказательств, находит свое выражение в том, что существует огромное эмпирическое многообразие различных философских течений, которые, несмотря на свое пеструю многочисленность, не в состоянии охватить проблему во всей ее целостности. Это обстоятельство вызывает к жизни все новые и новые "точки зрения", удел которых субъективность. Современная философия, по выражению основателя прагматизма У.Джемса, напоминает гостиницу. «В каждой комнате течет своя особая жизнь: юноша пишет стихи, банкир подсчитывает дивиденды, ученый исследует вещество, а верующий молит бога о ниспослании благодати. Никому нет дела до того, что творится в соседнем номере, и, только встречаясь в общем коридоре, соседи вежливо приветствуют друг друга». «Это, – добавляет от себя известный советский философ М.А.Лифшиц, – настоящий Пантеон, в честь тысячи богов, заранее осмеянный Вольтером в «Орлеанской девственнице» [*4*, 297].

Попытка выдать такое положение вещей за «норму» не выдерживает серьезной критики. Большое количество "философий" есть не столько достоинство, сколько недостаток – своеобразная форма суррогатного замещения отсутствия единой научной философии – той, которая могла бы дать ответ на острейшие вопросы общественно-человеческого бытия в условиях современной цивилизации. Есть что-то ужасающее в невероятном бессилии современной философской мысли дать исчерпывающий и глубоко однозначный ответ на сложные, но настоятельно требующие своего разрешения, проблемы, стоящие перед современным человечеством. Поэтому радостный оптимизм в отношении «философского плюрализма» простителен скорее школьнику, который принимает исторически сложившееся многообразие за нечто самоценное. Однако подобный оптимизм едва ли приемлем для любого серьезного мыслите-

ля, понимающего, подобно Э.Гуссерлю, что «...мы терпим крайнюю жизненную нужду, такую нужду, которая распространяется на всю нашу жизнь» [*4*]. Именно историческая необходимость, принимающая крайнюю форму человеческой нужды, является той внутренней пружиной, которая заставляет критически отнестись к «плюрализму» философий, заставляет поставить вопрос об истине. С исторической точки зрения, история философии не может рассматриваться как область пустых забав и кривляний духа. Она представляет собой историю познания сущности мышления и обретения последним универсальной, объективной определенности. Через исследование сущности мышления (сущности познания) философия становится важной составляющей исторического процесса, его непосредственным участником. Как писал Л.Фейербах, «одно – философия, которая принадлежит истории философии и только косвенно, через нее, связывается с историей человечества, и нечто радикально иное – философия, непосредственно составляющая историю человечества» [*2*, 107]. Познанная философией универсальная (диалектическая) логика мышления выступает средством разрешения противоречия всемирной истории. История может разрешить основное противоречие своей предыстории только сознательно (со-знанием дела), при помощи философии. В истории философия свое действительное основание и имеет перед ней свой исторический долг. Именно понимание необходимости осуществления философией своей исторической миссии не позволяет согласиться с существованием философии в качестве «комфортабельной гостиницы».

Объективность есть важнейшая характеристика философского способа мышления, а не просто "мода относительно интеллекта", как пытается представить дело мышление постмодернизма, для которого "приемлемы все стили и не предусмотрено никакого синтеза". Проблема достижения истины есть основная проблема для философии и ее способность дать объективно-научный ответ на данный вопрос может рассматриваться как своеобразный критерий ее исторической зрелости. Истина – это всеобщий закон философии, определяющий способ рассмотрения всех проблем, попадающих в поле ее зрения.

Постмодернистская критика в адрес классического философского мышления, связанная с его стремлением к объективности, сегодня стала чрезвычайно расхожим местом. Оригинального в ней мало, если вспомнить исторические подробности истории становления классического философского мышления. Столь ненавистная постмодернизму объективность классического философского мышления есть закономерный результат преодоления субъективизма, который не соответствует элементарным критериям философского способа мышления, но зато составляет сущность постмодернизма. С точки зрения способа разрешения основных теоретико-познавательных проблем, мышление постмодернизма, безусловно, представляет собой «»пройденный этап», шаг назад по сравнению с тем уровнем, который был достигнут классической философией.

Однако очевидная несостоятельность постмодернистского мышления в решении гносеологических проблем еще не может служить достаточным основанием для вынесения окончательного суждения относительно его общеисторической несостоятельности. Критика постмодернизма обязательно должна затронуть его культурно-исторические, социально-практические основания. Главное расхождение между классической философией и философией постмодернизма заключается в том, что они занимают абсолютно разные позиции по отношению к основному противоречию человеческой истории и, соответственно, совершенно по-разному видят свою историческую роль (миссию, предназаначение).

Классическая философия, поднимаясь в лице Гегеля до объективно-научного взгляда на мир, не могла не обратить внимания на основной закон развития современной истории, в соответствии с которым всестороннее развитие целого общества, общественно-коллективных деятельных способностей, осуществляется за счет ущербности, односторонности развития способностей отдельного индивида. Как указывал Гегель, всемирную историю "дух" творит помимо благих желаний и доброй воли отдельных индивидов, которые в своей единичности являются жалкими и убогими по сравнению с грандиозными и порой неожиданными результатами своей совместно-принудительной деятельности. Эта весьма противоречивая форма, в которой в процессе истории происходит становление деятельных способностей индивидов, была остро зафиксирована категориями классической философии и получила название отчуждения.

Историческое величие гегелевская философия заключалось в том, что она была своеобразной программой универсального развития человека. С точки зрения гегелевской философии единственно возможным способом преодоления отчуждения и обретения себя как личности оказывается приобщение к формам всеобщего (к науке, если это касается мышления, и к искусству, если это касается человеческих чувств – и в

том, и в другом случае содержание принадлежит абсолюту, а не человеку, который как единичная форма всеобщего выступает лишь временным обладателем содержания). Подлинная – общественная – природа этого всеобщего для объективного идеализма осталась недоступной: Гегелю всеобщее представлялось божественным, т.е. не принадлежащим человеку (гегелевская «Наука логики», будучи сущностным изображением мышления, была, по словам самого Гегеля, ни чем иным, как «изображением бога в его домировом бытии»).

Но поскольку восхождение в сферу универсальности и всеобщности у Гегеля осуществляется не только посредством мышления, но и исключительно в сфере мышления, то с точки зрения классической философии отчуждение как действительная коллизия истории могло быть преодолено лишь идеально, а не практически. Чувственным эквивалентом классического разума оказывается состояние примирения, которое субъект гегелевской философии воспринимал как объективную неизбежность, без особой горечи. Тем более, что классический тип отчуждения все же предоставлял представителю культуры известную долю свободы от диктата отношений полезности.

Но рано или поздно господствующее производственное отношение подчиняет себе также и область духовного производства. Рано или поздно представитель культуры, профессионал духовно-теоретической формы деятельности также становится частичным наемным работником, рабом вышедших из-под контроля общественных сил. На определенном этапе исторического развития отчуждение с неизбежностью приобретает всеобщий характер, затрагивающий в непосредственной форме (на уровне чувств) не только агентов материального производства, но и агентов духовного производства.

Философская мысль первой половины XX в., опиравшаяся на опыт двух мировых войн, уже едва ли могла надеяться на примирение, которое бы не сопровождалось острым чувством горечи. Как отмечал К.Ясперс, «аспект нашего мира в вынужденности его существования и отсутствия опоры в его духовной деятельности не допускает больше бытия в умиротворенной связи с существующим» [*7*]. Экзистенциализм, ориентируя человека на выживание в мире отчужденных форм, в своеобразной негативной форме еще сохранял некоторый универсалистский пафос классики. В условиях исторического безвременья тоска по подлинному бытию была настоящим спасением для маленького человека, утратившим всякую надежду на благополучный исход истории.

Эта фигура мало интересовала классическую философию. В силу конкретно-исторических особенностей механизма реализации духовно-теоретической деятельности категории классической философии были "нечувствительными" к личностно-субъективным формам проявления отчуждения. В этом смысле классика была "незавершенной", она имела некий «пробел», заполнить который и попыталась постклассическая философия. Последняя, теряя объективно-всеобщее измерение проблемы отчуждения, еще удерживала проблему отчуждения хотя бы в плоскости субъективно личностных форм ее переживания. Постклассический философский дискурс был актом субъективного переживания исторической невозможности практического присвоения человеком своей сущности. Человек XX века, который обнаружил себя заброшенным в мертвом мире вещей, почувствовавший себя игрушкой в руках стихийных сил классовой истории, уже не в логике, а в эстетике находил едва ощутимую меру своей человечности. Свое отчаянье как последнее проявление человечности он выявлял в форме чувственного – вплоть до сознательной апологии безобразного. В условиях невозможности преобразования мира всеобщность феномена эстетического свидетельствовала о полном отсутствии по-человечески цельного содержания жизни. Эстетическая окраска постклассического мышления была рафинированной формой выражения исторического бессилия и отчаянья.

Став на путь отказа от универсальности и всеобщности, постклассическая философия с неизбежность порождает постмодернизм как свое последнее слово. Принципы, на которых основано мышление постмодерна, соответствует такому способу функционирования современной культуры, когда происходит сознательное разрушение уже выработанных историей идеальных форм культуры. Пропасть между ними и реально практикуемыми формами жизни преодолевается не путем диалектического разрешения противоречия основания практики и доразвития последней до универсального измерения в форме истины, добра и красоты, а путем полного и тщательного разрушения самого масштаба универсальности.

Безусловно, в механизме функционирования современной общества существуют веские практические основания для такого разрушения. Но признание постмодернизма в качестве "нормального" состояния философии равносильно констатации фактической смерти философии. Философия, вместе с Гегелем умершая в своем былом

величии, окончательно умирает и разлагается в исторической форме постмодернизма. Присущий постмодернизму сознательный отказ от универсальности и всеобщности есть последняя черта падения, за которой открывается солютная пустота, бездна кривляний современного духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.koob.ru/edmund_husserl/karteziansk ie_gusserl
2. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st002.shtml
3. *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. – Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. *Лифшиц М.А.* Чего не надо бояться // Новые «кумиры» и «старые» авторитеты. – М.: Советская Россия, 1990. – 304 с.
5. *Силичев Д.А.* Постмодернизм: экономика, политика, культура. – М.: Логос, 1998. – С. 196.
6. *Фейербах Л.* Необходимость реформы философии // Избранные философские произведения: В 2 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. – 676 с.
7. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/YASPERS/time.txt

Стаття надійшла до редакції 21.05.2009 р.